

ных «заимствованиях» и «влияниях», но о принципиальной, органической близости типов художественного мышления, которая материализовалась в увлечении словесной пластикой, в обращении к традициям зрелищных форм народной культуры и т. д.

Внутри пограничных художественных наделов, отведенных в русской поэзии Державину и Заболоцкому, существовала и еще одна общая территория. Творчество Державина предваряло некоторые мотивы натурфилософской лирики Заболоцкого.

В державинской поэзии природа представлена не только как некое дополнение к человеку, она во многом самоценна. Природа еще не подчинена человеку. Ее внутренние конфликты, процессы, совершающиеся в ней, могут быть уподоблены фактам человеческого бытия потому, что это параллельные ряды. Когда поэт пишет о том, что «стоящий холм чело нагнул»,³² он утверждает разумность природы ее способность к самостоятельному развитию. Антропоцентризм еще не знаком Державину. Поэтому у него и появляются стихи, в которых все явления природы как бы замкнуты в себе, очеловечены помимо человека, помимо его преобразующей деятельности. Они имеют свой смысл, свою направленность движения вне движения человеческого разума.

Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей;
Согреть сатиры руки
Собирались вокруг огней.³³

Внутренние силы сцепления с творчеством Заболоцкого затаены в этой наивной картине зимней природы — природы, обособленной в свой целостный мир, который отделен от человеческого, природы, живущей глубоко самостоятельной жизнью. Заболоцкий боролся с антропоцентризмом. Он считал, что в природе существует разумное начало, подавленное человеком. Природа для него — это «вековая давящая», тюрьма, ворота которой должен распахнуть человек, выполняющий свою историческую миссию.

³² Державин, т. I, стр. 694.

³³ Там же, стр. 82—83.